ИЗВЕСТИЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА 2021, том 153, № 3, с. 3–16

ТИХООКЕАНСКИЙ ВЕКТОР В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ И США: ОСНОВНЫЕ РУБЕЖИ И ЭТАПЫ

© 2021 г. П. Я. Бакланов[a], *, В. Г. Шведов[a], **, М. Т. Романов[a]

[a] *Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток, Россия*

**E-mail: pbaklanov@tigdvo.ru*

***E-mail: i-svg@yandex.ru*

Поступила в редакцию 14.12.2020 г.
После доработки 13.03.2021 г.
Принята к публикации 31.03.2021 г.

Рассмотрен тихоокеанский вектор пространственного развития России и США в течение XVII–XXI вв. Цель статьи – установление особенностей этого процесса с учетом развития геополитических отношений двух стран. Основные методы исследования: анализ исторических данных, межгосударственных договоров, высказываний политических деятелей. Установлено, что расширение территорий России и США в направлении к Тихому океану шло в значительной мере синхронно и вне взаимных территориальных претензий. Отмечается, что российско-американские геополитические отношения с момента их установления и затем в течение длительного времени имели дружественный характер, нередко приобретая вид военно-политического союзничества. Освещены причины их трансформации в соперничество и конфронтацию, в том числе в сфере акваториальных споров в Северной Пацифике и Арктике. Выделены этапы продвижения России и США к Тихому океану.

Ключевые слова: пространственное развитие, тихоокеанский вектор, геополитические отношения, великие державы, территориальное сближение, Тихий океан, взаимодействия, конфронтация, этапы

DOI: 10.31857/S0869607121030022

ВВЕДЕНИЕ

Пространственное развитие России и США, основным вектором которого с XVII в. стал выход к Тихому океану, привело в конечном итоге к становлению двух великих держав и формированию одного из основных узлов геополитической напряженности, начиная со второй половины XX в. [7]. За это время обе эти страны приобрели значительный опыт взаимных геополитических отношений от стратегического партнерства до соперничества и конфронтации. Тем не менее они пока не могут найти общих позиций в разрешении многих проблем – как в двустороннем взаимодействии, так и во взглядах и влиянии на глобальную геополитику [21, 34.]. На современном этапе, когда напряженность межгосударственных отношений, в том числе – между ведущими мировыми державами (США, Китаем и Россией), возрастает [3], ретроспективная оценка опыта геополитических отношений России и США (как позитивного, так и негативного) представляется особо важной. При этом, как отмечает В.Л. Ларин, в изучении современных российско-американских геополитических отношений преобладают “европоцентрические” аспекты, а их тихоокеанский вектор должного внимания до сих пор не получил [12].

Ретроспективная оценка динамики государственных территорий России и США показывает, что векторы их пространственного движения к Тихому океану обозначились почти синхронно – с начала XVII в. Тогда Русское государство после паузы, вызванной гибелью Ермака (1585 г.) и окончанием Смутного времени (1612 г.), начало активно продвигаться из бассейна Оби далее вглубь Сибири. Примерно в это же время на атлантическом побережье Северной Америки закрепились колонисты из Англии (1607 г.). Вслед за этим пространство каждой из сторон стало расширяться в направлении Тихого океана. Следует заметить, что хотя это движение в целом и происходило достаточно синхронно, его "стартовый" уровень был различным. Если Россия уже тогда была одной из крупнейших стран мира, то фактическое становление США начиналось в качестве колонии Англии (с 1707 г. – Великобритании). В последующем можно выделить ряд этапов в продвижении этих стран на Тихоокеанском направлении.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ, МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе анализа исторического материала предполагается показать устойчивость Тихоокеанского вектора пространственного развития США и России в период с XVII по XIX вв., а также выделить основные обобщенные этапы в продвижении этих стран к Тихому океану и рассмотреть этот процесс в пределах Северной Пацифики. Одновременно поставлена задача рассмотреть основные особенности геополитических отношений этих стран на отдельных этапах и их изменения.

Материалами исследования послужили фактические историко-географические данные о маршрутах, особенностях и рубежах продвижения России и США к Тихому океану, о двусторонних геополитических отношениях в XVII–XX вв., письменно зафиксированные высказывания и распоряжения ряда государственных деятелей, избранные статистические данные и официальные документы. Использовались методы: сравнительный, пространственно-временного и историко-географического анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Первые этапы продвижения к Тихому океану. Пространственные отношения между странами, связанные с их географическим положением, протяженностью и конфигурацией их территории и границ, закладывают одну из базисных составляющих в систему геополитических отношений [2]. Территория каждой из стран, с одной стороны, определяет пространство, на которое распространяется их суверенитет, а с другой – сферу жизнедеятельности их граждан (подданных), которые создают и потребляют материальные и духовные ценности, являются носителями национальной идентичности, нуждаются в защите от внешних угроз и одновременно обеспечивают оборону страны. В пространственной форме устанавливаются и закрепляются границы между странами, решаются вопросы принадлежности им земель, акваторий, недр и воздушного пространства, а также закладываются возможности и варианты организации их транспортных взаимосвязей.

Таким образом, пространственные размеры страны, ее конфигурация и сопряжение с пространствами других стран имеют большое геополитическое значение.

С начала XVII в. движение к тихоокеанскому побережью (с переменной активностью) стало одним из приоритетов российской внешней политики. Основными движущими мотивами были поиск и присоединение новых земель с пушными ресурсами (главной статьей российского экспорта в то время), а также открытие новых путей к Индии и Китаю [11]. Оно развивалось по трем основным направлениям. Одно из них имело широтный характер и привело к выходу в 1639 г. отряда И. Москвитина к Охотскому морю в районе реки Ульи. Второе было направлено на юго-восток, где в 1643 г. В. Поярков достиг бассейна Амура. Третье направление этого продвижения шло на северо-восток, закладывая пространственную основу для будущего российско-амери-

канского соприкосновения: в 1648 г. Ф. Попов и С. Дежнев проследовали Северным морским путем, обогнули Чукотку и вошли в Берингов пролив, максимально приблизившись к Северной Америке. И хотя о ее открытии тогда не говорилось, предположение о наличии далее к востоку новой "Большой земли", в общем, было достаточно убедительным [22].

Решающее значение для активизации поисковых работ на северо-восточной окраине страны имел указ Петра I от 1724 г. [13]. Его суть отражена фразой из изданного позже, по заветам скончавшегося императора, манифеста Екатерины I: "Во изыскании же Америки может быть великая польза" (цит. по: [17], с. 536). В 1732 г. М.С. Гвоздев высадился на мысе Нихта (Принца Уэльского) – крайней западной материковой точке Северной Америки на "стыке" Чукотского моря и Берингова пролива, а в 1741 г. корабли В.И. Беринга и А.И. Чирикова достигли американского материкового побережья близ хребта Святого Ильи и острова Кадьяк. В результате Петербург в 1764 г. объявил об учреждении "Владения Аляска" на одноименном полуострове, материковом побережье от залива Кенай (Кука) до пролива Сигаай (Диксон-Энтранс) и на всех прилегающих к ним островах. В 1782 г. Екатерина II предписала его расширение вверх по Юкону и вдоль Берегового хребта. Передача Аляски в 1799 г. под управление Российско-Американской компании в геополитическом плане ничего не изменяла, так как Россия оставалась верховным сувереном этой территории [18].

Движение английских колонистов на запад изначально шло в иных условиях – в значительной мере стихийно и даже в какой-то мере вопреки воле метрополии. Новый континент с его огромными и разнообразными природными ресурсами привлекал тысячи мигрантов из Европы. Образовавшийся в этой связи в колониях "земельный голод", а также стремление у прибывших из Европы очень активных поселенцев овладеть новыми территориями и их ресурсами служили на этом этапе стимулом движения переселенцев дальше на запад от атлантического побережья. Но в таком виде пространственного развития своих колоний английские власти прежде всего видели лишь уклонение подданных от налоговых сборов и запрещали им переход за Аллеганский хребет Аппалачских гор [24].

Ситуация изменилась после образования независимых США (1776 г.) и покупки у Франции Луизианы (1803 г.). Экспедиция М. Льюиса и У. Кларка, пройдя в 1804–1806 гг. до верховий Миссури, вышла к Тихому океану, положив начало потоку стихийных переселенцев на спорную с англичанами территорию в бассейне Колумбии (1811 г.). Затем сложился Калифорнийский путь их продвижения вглубь испанских владений (с 1813 г.).

Этот процесс, по сути, стал основой формирования американской государственной парадигмы Явного Предначертания ("Manifest Destiny"), которая строилась на том, что обладание Великобританией и Испанией землями к западу от Миссисипи было формальным, а фактически владевшие ими индейцы рассматривались как слишком "отсталые", чтобы полноценно распоряжаться их ресурсами. То есть именно США было "предначертано" освоить пространство до Тихого океана [26].

Следует отметить, что российско-американские контакты зародились задолго до этого. Первый из них, на высоком представительном уровне, состоялся еще в 1698 г. в Лондоне между Петром I и одним из лидеров колонистов, У. Пенном. Он имел ознакомительный характер [29]. Затем контакты между Россией и американскими колониями ширились и обретали новые грани. К концу XVIII в. в них достаточно четко проявился общий геополитический интерес противостояния британскому гегемонизму [31].

Лондон изначально враждебно воспринял устремления России обрести выход к международным торговым путям через Балтийское и Черное моря. Позже он увидел в России одного из основных своих конкурентов за геополитическое доминирование на Балканах и в Азии [32]. Что же касается США, то им за свое независимое существование пришлось бороться против Великобритании в двух войнах: 1775–1783 и

1812–1815 гг. Позже предметом англо-американских геополитических споров стало территориальное разграничение к западу от Великих озер [10].

Возникшее, в том числе на общей антибританской основе, российско-американское сближение было вполне логичным, приняв форму негласного, но очевидного альянса. Начальной точкой его проявления стал отказ России в просьбе английского короля Георга III направить свои войска на подавление восстания в американских колониях. Затем по инициативе Петербурга была создана коалиция европейских стран по противодействию каперству британского флота на трассах морской торговли с повстанцами ("Вооруженный нейтралитет"). А в составе Российского Черноморского флота в 1788–1789 гг. против турок успешно сражался американский адмирал П. Джонс.

Оценка сложившегося партнерства была дана в речи президента Т. Джефферсона при установлении российско-американских дипломатических отношений в 1807 г.: "... наши интересы ... и наши чувства совпадают ... Россия ... является самой искренне дружески расположенной к нам страной" (цит. по: [9], с. 77–78). Такой тип геополитических отношений сохранился до середины XIX в., и в их рамках произошла передача российских территорий в Америке (Форт-Росса и Аляски) США.

Дефицит продовольствия на Аляске вынуждал ее правление вести разведку земель на юге – вдоль американского побережья. В 1803 и 1808 гг. агент И.А. Кусков совершил плавания до залива Бодега в Калифорнии. Их итогом стала установка российских пограничных знаков на 41°38′ с.ш. близ устья реки Кламат – на южном рубеже Орегона, который Великобритания считала своим владением. Протест Лондона по этому поводу был отклонен, так как постоянное английское население здесь отсутствовало. Но вскоре сюда в значительном числе начали прибывать американские поселенцы, что вело к обострению англо-американских отношений.

Российская сторона оказалась в сложном положении: в регионе назревало столкновение между дружественными ей США и, на тот момент, ее союзницей по антинаполеоновской коалиции – Великобританией. В этой связи было принято решение уклониться от участия в возможном конфликте и о поиске иной "точки закрепления". Выбор пал на залив Бодега в Калифорнии, где в 1812 г. Кусковым была основана колония Форт-Росс.

Калифорния принадлежала захваченной тогда Наполеоном Испании. Поэтому местная колониальная администрация, не желая подчиняться оккупационным властям в Мадриде, отнеслась к основанию Форт-Росса лояльно, заключив договор о дальнейшем нерасширении его территории. Это подвинуло Россию на более активные действия. В 1821 г. Александр I издал указ о переносе южного рубежа Аляски к 51° с.ш. – до устья реки Белла-Белла, что привело к необходимости урегулирования непосредственных российско-американских пространственных отношений. Их отправным пунктом следует считать оглашение Доктрины Монро.

Первичный смысл этого документа, разработанного в 1823 г. администрацией президента США Дж. Монро, содержал призыв к странам Европы воздержаться от вмешательства в борьбу, шедшую между Испанией и повстанцами в ее американских колониях, а также – от попыток сделать под этим предлогом новые территориальные приобретения в Западном полушарии. Во всем этом США видели не только чуждые им геополитические интересы в виде попыток сохранения в Америке позиций европейского колониализма, но и угрозу своему суверенитету [25]. В то же время, содержание Доктрины давало основание толковать ее и как заявку Соединенных Штатов на геополитическое доминирование в Новом Свете [6].

Редакция Доктрины, адресованная России, имела более сдержанный тон, чем та, которая была направлена другим государствам Европы. В ней упор делался на сохранение традиции дружественных отношений, признание российских территориальных прав на северо-западе Америки. Вручение этого документа сопроводили переговоры в Петербурге. Вполне вероятно, что они могли содержать просьбу об отмене указа 1821 г. и предло-

жение упорядочить двусторонние пространственные отношения в Северной Пацифике с целью совместного сдерживания Великобритании [27]. Для России эта инициатива была актуальна, поскольку, по деликатной оценке секретаря Сената Н.П. Резанова, ее диалог с Лондоном уже явно имел "...вид некоторого соперничества" (цит. по: [9], с. 39).

Подтверждением этому служит первый договор о пространственном размежевании между Россией и США от 1824 г. "О дружбе, торговле и рыболовстве", который утвердил южную границу Аляски по старому рубежу на 54°40′ с.ш. и зафиксировал обязательство Соединенных Штатов не продвигаться севернее него. Однако данное соглашение было во многом "виртуальным": указ от 1821 г. о переносе российской границы до 51° с.ш. еще не был реализован, а государственный рубеж США пролегал на незначительном удалении от западного (правого) берега Миссисипи и Миссури. То есть обе страны договорились о разграничении, не имея прямого пространственного контакта. Но этот договор снял британские претензии на российскую прибрежную полосу Аляски от залива Якутат до пролива Диксон-Энтранс. Признание Соединенными Штатами ее принадлежности России утвердило право последней на обладание этой территорией на международном уровне. Поэтому англичанам пришлось довольствоваться скромной по размерам уступкой спорных земель вдоль восточного склона Берегового хребта.

Параллельно этим событиям назрел Калифорнийский кризис: став независимой, Мексика в 1822 г. потребовала от России передачи ей Форт-Росса. Правовая основа этого притязания была сомнительна. Мексика позиционировала себя как новое государство, чем де-факто отрицала свое отношение к российско-испанскому договору о Форт-Россе. Кроме того, она, как и все молодые страны Латинской Америки, приняла принцип "Uti possidetis" ("Каждый владеет тем, чем владеет") – нерушимости ранее сложившихся колониальных границ между собой и с владениями европейских стран (кроме Испании). Но основанные на этих фактах доводы России о сохранении в Калифорнии status quo мексиканской стороной во внимание не принимались.

Дело шло к войне, в которой перевес сил, в общем, был на стороне России. Но спорный объект находился от нее на колоссальном удалении, а мексиканцам была обещана поддержка Великобритании. В этих условиях потеря Форт-Росса была предрешена. Это могло нанести большой ущерб престижу России. Мировое сообщество вряд ли дало бы данному событию взвешенную, учитывающую факторы расстояния и британского вмешательства, оценку. А проигрыш кампании такой не самой сильной стране, как Мексика, мог иметь громкий геополитический резонанс.

В 1841 г. Форт-Росс был продан гражданину США Дж. Саттеру. Судя по всему, это был геополитический маневр России, в результате которого Мексика Форт-Росс не получила; а ее непростые отношения с американскими поселенцами в Калифорнии еще больше осложнились [23.].

В 1846 г. США добились от Лондона уступки Орегона и начали войну с Мексикой. Одновременно в Калифорнии вспыхнуло восстание американских колонистов, опорной базой которых стал Форт-Росс. В итоге победы в этой кампании США удвоили свою территорию и обрели широкий выход в Тихий океан. При этом ими осознавалась роль, которую сыграла в достижении данного успеха Россия. Близкое к правительственным кругам издание "Daily Evening Bulletin" писало: "У России в грядущем есть один товарищ, один попутчик – Соединенные Штаты" (цит. по: [9], с. 81–82).

Пик российско-американского геополитического взаимодействия пришелся на середину XIX в. Так, во время Крымской войны 1853–1856 гг. президент Ф. Пирс заявил о возможном вступлении в нее США на стороне России. Этому шагу помешало назревание в Соединенных Штатах внутреннего политического кризиса. Но посильная помощь ими была оказана: в обороне Севастополя участвовали 43 военных врача из США; американские китобои заранее предупредили защитников Петропавловска-

Камчатского о приближении англо-французской эскадры, а при штурме города увели часть ее сил с поля боя. В 1855 г. для отправки в Россию формировался добровольческий стрелковый батальон, снаряжалось каперское судно для атак на корабли антироссийской коалиции в Тихом океане. Весть о поражении России в войне вызвала погром английского и французского праздничных павильонов в Сан-Франциско.

При подавлении польского восстания 1863–1864 гг., на фоне угрозы военной помощи ему со стороны Лондона, США стали единственной страной, поддержавшей действия России против повстанцев. Со своей стороны, в связи с началом в 1861 г. Гражданской войны в США, Петербург официально заявил: "Отделение Юга будет рассматриваться Россией как самое большое из всех возможных несчастий" (цит. по: [8], с. 135).

В 1863 г. Великобритания, готовясь вступить в войну на стороне южан, создала совместные с ними ударные военно-морские группы. В ответ в гавани Нью-Йорка и Сан-Франциско вошли русские эскадры, имевшие приказ вступить в бой по первой просьбе законного американского правительства. Эта демонстрация силы сыграла важную роль в предотвращении атак неприятеля на важнейшие порты и политические центры страны [31].

Уход России из Северной Америки, переход от союзнических отношений к конфронтации. Уровень и характер достигнутого в это время геополитического сближения двух стран во многом послужили затем фактической основой сделки по продаже Россией Аляски США. Причины и результаты этого события, в силу до сих пор не утраченного к ним интереса, остаются предметом отдельного рассмотрения [8, 33]. В целом, особенно в настоящее время, можно отметить, прежде всего, негативные последствия этой продажи для России. Отрицателен прежде всего факт сокращения пространства страны на 1.5 млн кв. км и утраты ею суверенного присутствия на Американском континенте. Существенно сузились у России сектора выхода в Арктику и Тихий океан. Были утрачены разнообразные и крупные по объему минеральные и биологические ресурсы Аляски и прилегающих морских акваторий, а со временем она стала военным плацдармом противостояния США с СССР и Россией. Но если обратиться к геополитическим реалиям того времени, то можно отметить, что заселение и освоение Аляски оставалось на низком уровне. Здесь проживало лишь 2.5 тыс. русских и 60 тыс. аборигенов, из которых 50 тыс. составляли воинственно настроенные индейцы [5]. Хозяйство было представлено лишь охотничье-промысловым сектором.

Суровость природно-климатических условий Аляски не позволяла при имевшихся в середине XIX в. возможностях детально обследовать ее природно-ресурсный потенциал. Его состав и размеры были во многом неизвестны и технически недоступны. Огромная удаленность Аляски от исторического центра России усугублялась слабым развитием транспортных средств и "барьерной" ролью такого огромного и сложного для освоения региона, как Сибирь. Наконец, Крымская война, не затронув Аляску, показала, тем не менее, неразрешимые на то время сложности ее обороны.

Иными словами, эта окраинная территория входила в число наиболее проблемных регионов России [8]. Но если для отстаивания геополитических интересов на иных "горячих" направлениях (Польша, Балканы, Кавказ) страна располагала необходимыми возможностями, то на Аляске таких возможностей было гораздо меньше. Кроме того, в 1858 и 1860 гг., по Айгуньскому и Пекинскому договорам с Империей Цин, в состав России вошли приамурские земли площадью более 1 млн км^2, расположенные в южных, сравнительно более комфортных климатических условиях. Интеграция этой, возможно, стратегически более важной для России, территории в состав государства требовала больших средств. То есть на тот период проявилась сложная для России геополитическая и геоэкономическая "проблема обладания" Аляской. Активный поиск ее решения начался еще в 1857 г. в виде консультаций Великого князя Константина и министра иностранных дел А.М. Горчакова. По их итогам Особое совеща-

ние при Александре II приняло в 1866 г. решение предложить Соединенным Штатам, как дружественной стране, приобрести эту территорию.

По Вашингтонскому договору 1867 г. США отошла вся российская материковая и островная территории Аляски в общепринятых географических контурах Северной Америки. Базовым пунктом размежевания стала точка в Беринговом проливе на широте 65°30′ с.ш. с равным удалением от мыса Дежнева на западе и мыса Принца Уэльского на востоке. От него разграничивающие линии отошли в сторону Северного полюса и в открытые воды Тихого океана. Такая линия пролегла между Командорскими островами и группой островов Атту – самых западных в Алеутском архипелаге.

В то же время, удаленность и неосвоенность Аляски, а также переживаемые самими США серьезные внутренние проблемы (преодоление последствий Гражданской войны, решение задач по интеграции в страну фактически неуправляемого тогда "Дикого Запада") стали причиной того, что данная сделка вызвала у части американских общественных и правительственных кругов неприятие, которое администрация президента Э. Джонсона проигнорировала [39]. Некоторые авторы полагают, что этой акцией в политике США была усилена линия конфронтации с Великобританией [35]. Мы также склонны считать, что укрепление антибританской геополитической позиции было для президента Э. Джонсона основным доводом при покупке Аляски. Ее приобретение, как и присоединение других прибрежных притихоокеанских территорий, было весьма дальновидным и стратегически важным решением для США, расширившим жизненное пространство будущей сверхдержавы между тремя океанами – Тихим, Атлантическим и Северным Ледовитым. Аляска после ее покупки Соединенными Штатами перешла под управление Военного министерства, которое ввело туда регулярные войска. Позже в ее воды были переведены два боевых корабля [1]. У англичан равноценной армейской группировки в северо-западной части Канады не было. Это существенно осложняло положение их североамериканских владений.

Обретение Россией Аляски, а затем ее продажа – самое крупное событие в российско-американских геополитических отношениях. В целом оно произошло в мирное время на добровольной основе и означало важный этап взаимодействия двух стран. На его фоне представлялось, что традиции обоюдной поддержки и сдерживания амбиций "третьих" государств будут долговременными. Эти ожидания, к примеру, высказал в свое время граф Н.Н. Муравьев-Амурский: "В сближении с Северо-Американскими Соединенными Штатами ... важный предмет для будущего России" (цит. по: [9], с. 101).

Но с конца XIX в. отношения России и США стали существенно изменятся в направлении ухудшения. Ответом на убийство Александра II (1881 г.) стали жесткие меры со стороны государства против революционеров. Многие из них тогда искали убежище в США, неся туда информацию о России как стране гражданских несвобод [37]. Постепенно общественное сочувствие политэмигрантам проникло в руководство США, отразившись в его официальных нотах. В свою очередь, Петербург увидел в них вмешательство в свои внутренние дела. Окончательным свидетельством перемены устоявшихся ранее союзнических российско-американских геополитических отношений стала активная поддержка Соединенными Штатами Японии в ее войне с Россией в 1904–1905 гг. [14].

Революция 1917 г. в России и последующее образование СССР вызвали в США негативную реакцию, вслед за которой противоречия двух государств на почве идеологических разногласий лишь усилились. Эта тенденция временно ослабла лишь в годы Второй мировой войны.

Столкнувшись с возрастающими геополитическими притязаниями Токио в зоне Тихого океана, США вступили в коалицию, противостоявшую агрессии германского нацизма и японского милитаризма. В ее рамках они оказали по программе "Ленд Лиз" ("Lend-Lease") значительную военно-техническую и продовольственную помощь

СССР [28], открыли боевые действия против Японии в 1941 г., а в 1942 г. – в Северной Африке против Германии и Италии. Однако этот союз оказался недолговечным.

Одним из результатов Второй мировой войны стало появление в Европе зоны влияния США, в том числе в виде военного присутствия в Западной Германии. На этой основе в конце 1940-х гг. был создан крупнейший военно-политический блок НАТО во главе с Соединенными Штатами – главный участник "Холодной войны" с СССР.

На этом этапе советско-американское противостояние сложилось как на Западе, так и на Востоке, где геополитическое влияние обеих стран пересекалось в Северной Пацифике. Так, СССР и США приняли участие в Корейской войне 1950–1953 гг., поддерживая разные стороны этого, по сути, внутригосударственного конфликта. Данная ситуация фактически повторилась и во время Вьетнамской войны 1964–1975 гг.

Некоторый спад напряженности имел место в конце 1980-х и в 1990-е годы на фоне процессов, приведших к распаду СССР, и трактовки этого события Соединенными Штатами как своей "победы" в "Холодной войне". Однако после взятия Россией курса на самостоятельность своих геополитических позиций, США, в своем стремлении удержать мировое лидерство, фактически вернулись в состояние "холодной" войны.

Выделенные нами этапы тихоокеанского пространственного вектора развития России и США с оценкой типов их геополитических отношений выстраиваются в следующем порядке (табл. 1).

Изменения геополитических отношений России и США в конце XX–начале XXI вв. Взятый в 1986 г. руководителем СССР М.С. Горбачевым курс на "новое политическое мышление" обернулся для СССР сдачей многих геополитических позиций. Этим воспользовался ряд стран, в том числе и США. Так, в Северной Пацифике произошли непосредственные пространственные уступки США от Советского Союза, основой которых тогда стали пробелы Вашингтонского договора 1867 г. Морские границы в нем были оговорены без должных географических и картографических привязок. Ранее российская, а затем советская стороны исходили из того, что линия размежевания Берингова моря проведена по параметрам локсодромической проекции, принятой при составлении карт в России и СССР. США полагали, что эта акватория разделена по используемой ими ортодромической проекции, и поэтому разграничение проходит значительно западнее российской (советской) версии.

Таким образом, в Беринговом море появилась обширная зона наложения акваториальных владений двух стран. Переговоры по ней велись с 1976 г. Но их вялотекущий характер указывал, что особое внимание этой проблеме не придавалось. СССР и США были заняты представлявшимися им более актуальными вопросами двусторонних и международных отношений и не желали в этой связи создания дополнительных сложностей. Все сводилось к обсуждению предложения разделить спорную зону пополам.

Такое патовое положение нарушило заключение в 1990 г. соглашения министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе и госсекретаря США Дж. Бейкера на основе американского варианта размежевания. В результате, Советский Союз, и в последующем Российская Федерация, лишились в Беринговом море 31 тыс. км^2 исключительной экономической зоны и 46.3 тыс. км^2 континентального шельфа в его открытой части, Наваринского и Алеутского месторождений с запасами около 200 млн т нефти и 200 млрд куб. газа, а также зоны ежегодной добычи 200 тыс. т рыбы [15].

Следует отметить, что ни в СССР, ни затем в Российской Федерации органы высшей государственной власти это соглашение не ратифицировали. То есть она является сделкой между государством, как международно-правовым субъектом, и отдельно взятым лицом другого государства, что лишает ее юридической силы. Но береговая охрана США ввела режим пограничного патрулирования "уступленной" акватории, что де-факто является формой ее присоединения.

Таблица 1. Основные этапы тихоокеанского вектора пространственного развития России и США
Table 1. Stages of Pacific vector in the spatial development of Russia and USA

Этапы пространственного развития	Значимые рубежи пространственного развития		Тип геополитических отношений
	России	США	
Первые неофициальные контакты	Выход к Тихому океану (1639 г.), проход в Берингов пролив, достижение Камчатки	Высадка первых английских колонистов на атлантическом побережье (1607 г). Их продвижение до Аппалачских гор	Первые неофициальные контакты в странах Европы
Установление официальных отношений (начало XVIII в.–1807 г.)	Открытие и северо-западной части Северной Америки (1741 г.). Основание “Владения Аляска” (1764 г.)	Образование независимых США (1776 г.). Приобретение Луизианы (1803 г.). Продвижение на запад и выход к Тихому океану (1806 г.)	Формирование общности геополитических интересов на основе противодействия британскому гегемонизму
Формирование союзнических отношений (1808–1852 гг.)	Расширение территории Аляски. Продвижение в Калифорнию. Основание (1812 г.) и потеря (1841 г.) Форт-Росса	Покупка Форт-Росса (1841 г.). Приобретение Орегона (1846 г.) и расширение территории до Калифорнии в результате войны с Мексикой (1846–1848 гг.)	Укрепление союзнических отношений на антибританской основе
Период максимального проявления союзнических отношений (1853–1867 гг.)	Приобретение Приамурья (1858 г.) и Приморья (1860 г.). Продажа Аляски (1867 г.)	Покупка Аляски (1867 г.)	Взаимная дипломатическая и военная поддержка во время Крымской войны (1853–1856 гг.), Польского восстания (1863–1864 гг.), Гражданской войны в США (1861–1865 гг.)
Переход к охлаждению отношений (1868 г.–конец XIX в.)	Укрепление позиций в Манчжурии: начало строительства КВЖД (1897 г.), приобретение Порт-Артура (1898 г.)	Присоединение Гавайев (1897 г.), аннексия Филиппин в результате войны с Испанией (1898 г.)	В целом – сохранение дружеских отношений; начало ухудшения на почве идеологических разногласий с 1880-х гг.
Период конфронтации (начало XX в.–1940 г.)	Потеря Южного Сахалина, утрата позиций в Манчжурии (Порт-Артур, КВЖД) в результате войны с Японией (1904–1905 гг.)	Укрепление пространства между тремя океанами: Атлантическим, Тихим и Северным	Конфронтационные отношения: помощь Японии в войне против России, обострение идеологических противоречий после Октябрьской революции 1917 г. и образования СССР в 1922 г.
Союзнические отношения в период Второй мировой войны (1941–1945 гг.)	Резкое обострение положения на восточных рубежах	Временная потеря части тихоокеанских владений	Союзнические отношения в рамках антигитлеровской коалиции. Оказание США помощи СССР по программе *Lend-Lease* (1941–1946 гг.). Вступление СССР в войну с Японией (1945 г.)
“Холодная война”. (1946 г.–настоящее время)	Возвращение Южного Сахалина, Курильских островов (1945 г.). Утрата спорного сектора в Беринговом море (1990 г.). Распад СССР (1991 г.). Признание Охотского моря внутренней акваторией России (2013 г.)	Возвращение тихоокеанских владений (1945 г.), рост геополитического влияния в Тихоокеанском бассейне. Занятие спорного сектора Берингова моря (1990 г.)	Конфронтация – “Холодная война”, участие в военных конфликтах в третьих странах. Рост уровня военного противостояния между СССР (Россией) и США в Северной Пацифике

В начале XXI в. одной из основных зон столкновения пространственных интересов обеих стран стала Арктика. Принятый приполярными странами (кроме США) в 1920-е гг. секторальный раздел высоких широт Северного полушария не соответствовал утвержденной в 1982 г. Конвенции ООН по международному морскому праву (также не подписанной США). В этой связи возникла проблема легитимного межгосударственного раздела Арктики, где вследствие климатических изменений открываются новые возможности для развития судоходства, рыболовства и добычи минерального сырья.

Действуя на основании упомянутой Конвенции, Россия настаивает на исключительной принадлежности ей Северного морского пути и арктического шельфа в зоне протянувшихся к Северному полюсу хребтов Менделеева (на 860 км от острова Врангеля), Ломоносова (1800 км от Новосибирских островов) и Гаккеля (1000 км от Северной земли). Это позволит ей обладать одним из наиболее перспективных путей глобального транспортного транзита и 1.2 млн км^2 арктической акватории с потенциальным содержанием в ее донных недрах около 5 млрд т условного углеводородного сырья [4].

США выступают главным оппонентом подобного расширения акваториальных владений России. Не выдвигая собственных прямых претензий к этим российским заявкам в Арктике, они апеллируют к международным интересам, которые в их трактовке выглядят следующим образом:

– Арктика, как уникальный регион, должна иметь нейтральный статус;

– Северный морской путь, вследствие его перспективного значения для мировой торговли и межокеанического положения, подлежит интернационализации.

Настаивая на этих позициях, Вашингтон фактически продвигает свои интересы: “ничейный” статус арктических вод и интернационализация Северного морского пути лишат Россию возможности контролировать и использовать обширное пространство, свободный доступ в которое получит доступ любой желающий, а прежде всего – США.

В этой ситуации Россия исходит из действующего международного права. Северный морской путь является ее исторически сложившейся национальной транспортной артерией, которую поэтапно открывали, осваивали и обустраивали многие поколения россиян без какой-либо помощи извне [38]. Заявка же на обладание частью арктического шельфа опирается на глубокие геологические обоснования и на нормативные документы ООН. Поэтому ее уточненная вторая редакция, поданная в 2015 г., по мнению специалистов Комиссии по морскому праву, может быть полностью удовлетворена, по крайней мере, в секторе хребта Менделеева. Что касается шельфа, прилегающего к хребтам Ломоносова и Гаккеля, вопрос по нему разрешится по согласованию разграничений с Канадой и Данией.

В настоящее время геополитические противоречия в зоне высоких широт сопровождаются усилением военного присутствия: Россия и США создают на своих северных окраинах современную военную инфраструктуру и регулярно проводят армейские учения. При этом США, имея в виду твердую, опирающуюся на правовые нормы позицию России, приняли в 2013 г. “Национальную стратегию Арктического региона” [36]. Дальнейшее развитие заложенных в ней позиций в сферах использования природных ресурсов, охраны окружающей среды, обеспечения судоходства и укрепления военного потенциала в высоких широтах стало в настоящее время основой для обсуждения в США возможности претендовать на обладание собственным сектором арктического шельфа протяженностью 965 км (600 морских миль) к северу от побережья Аляски.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главным результатом пространственного развития США и России на обширных территориях от океана до океана стало образование двух великих держав. Другим важ-

ным его результатом можно назвать сохранение между ними в течение более чем двух столетий принципа взаимной пространственной неприкосновенности, что должно выдерживаться и в последующем – как одно из важнейших условий их мирного сосуществования.

В пространственном развитии России за это время произошло расширение евразийского пространства на Восток до Тихого океана. В начале XXI в. Россия обозначила Восточный поворот как новый этап в своем долгосрочном развитии. Его суть состоит в наращивании взаимовыгодных внешнеэкономических связей и международного сотрудничества со странами Восточной Азии, прежде всего – с Китаем. При этом роль восточных районов страны, в т.ч. Тихоокеанской России должна существенно возрастать [19]. Этому способствует и то, что аква-территориальный макрорегион Тихоокеанская Россия входит в Северо-Тихоокеанское трансграничное пространство с его предпосылками и огромными перспективами в международном сотрудничестве, в том числе – и с США.

В пространственном развитии США за это время, в целом, сохранялся положительный вектор – расширение территории к Тихому, а затем – к Северному Ледовитому океанам. Одновременно расширялась и зона их геополитических интересов. На Востоке она после Второй мировой войны вплотную приблизилась к тихоокеанским рубежам СССР и его правопреемницы – Российской Федерации. Кроме того, Япония, после ее капитуляции в 1945 г., полностью оказалась в зоне геополитического влияния США. На Западе, сложившись к середине 1945 г., зона геополитических интересов США расширилась в формате блока НАТО. После распада СССР в нее в Восточной Европе оказался втянут “пояс” из бывших социалистических стран и новых государств из числа бывших советских республик [30]. Таким образом, к началу XXI в. сложилась обширная зона непосредственного соприкосновения российско-американских пространственных геополитических интересов сразу на трех, сомкнувшихся в единую параболу направлениях – Восточном, Северном и Западном. Современное состояние, возможности и перспективы российско-американских отношений в АТР в целом рассмотрены достаточно всесторонне и позволяют сделать вывод, что взаимоотношения России и США в АТР не следует увязывать с проблемами их взаимодействия в Европе и на Ближнем Востоке [16].

Обостряющееся соперничество со стороны США в последнее время усложняется выходом на политическую арену новых, динамично развивающихся “сверхдержав” (Китая, Индии), что в целом осложняет геополитическую ситуацию в мире. Стремление США к усилению своего лидерства в АТР, в том числе через использование блоковых структур, включая новый Индо-Тихоокеанский регион, раскрыто в одной из последних работ А.В. Торкунова [20]. Что же касается России, то важной проблемой для нее остается наиболее полный учет стратегической значимости стабильного комплексного освоения всего огромного восточного пространства, включая его аква-территориальный Тихоокеанский сегмент, и обеспечения его ускоренного социально-экономического и демографического развития.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-05-60103.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агранат Г.А.* Первые полвека американского господства на Аляске // Летопись Севера / Под ред. А.В. Ефимова. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. III. С. 223–238.

2. *Бакланов П.Я., Романов М.Т.* Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.

3. *Батрутдинова К.Р., Дегтярев Д.А., Степанова А.А.* Отношения в треугольнике США–РФ–КНР: соблюдается ли формула лидерства Генри Киссинджера? // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 1. С. 81–109.

4. *Голдин В.И.* Содержание и проблемы современной арктической геополитики. URL: https://goarctic.ru/work/soderzhanie-i-problemy-sovremennoy-arkticheskoy-geopolitiki/ (дата обращения 25.07.2019).
5. *Зорин А.В.* Индейская война в Русской Америке: русско-тлинкитское военное противоборство. Курск: Изд-во КГМУ, 2002. 419 с.
6. *Иванян Э.А.* Доктрина Монро 1823 года и "поправки" к ней. URL: http://america-xix.org.ru/library/monroe-doctrine/ (дата обращения 08.05.2017).
7. *Иванян Э.А.* Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. М.: Международные отношения, 2001. 696 с.
8. История Русской Америки / Отв. Ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Международные отношения, 1999. Т. III. 560 с.
9. *Кабанов П.И.* Амурский вопрос. Благовещенск: АКИ, 1959. 255 с.
10. *Киселева О.А.* Внешнеполитическая мысль США и планы аннексии Канады // Из истории общественной мысли и политических движений в Новое и Новейшее время / Отв. ред. В.В. Кутявин. Куйбышев: Изд-во КГУ, 1988. С. 45–59.
11. *Ламин В.А.* Ключи к двум океанам. Хабаровск: ХКИ, 1982. 255 с.
12. *Ларин В.Л.* Тихоокеанское измерение российско-американских отношений: коллизии XXI века. М.: Изд-во Московского центра Карнеги, 2015. 20 с.
13. *Майков Л.Н.* Рассказ Нартова о Петре Великом // Записки АН. 1891. Т. LXVII. Приложение № 6. С. 99.
14. *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991. 672 с.
15. Паламарь Н.Г. Некоторые аспекты пограничного разграничения между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки // Вестник РУДН. Серия История России. 2009. № 1. С. 82–88.
16. Россия и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Изд-во ИМЭМО РАН, 2016. 45 с.
17. Русская тихоокеанская эпопея / Отв. ред. В.А. Дивин. Хабаровск: ХКИ, 1979. 608 с.
18. *Тихменев П.А.* Историческое обозрение Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1863. Ч. II. 784 с.
19. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / Отв. ред. В.Л. Ларин. Владивосток: Изд-во ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
20. *Торкунов А.В.* Стратегия администрации Д. Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 6. С. 25–37.
21. *Хрусталев М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект-Пресс, 2017. 224 с.
22. *Шведов В.Г.* Формирование государственной территории США – исторический политико-географический обзор. Биробиджан: Изд-во ПГУ, 2013. Ч. I. 107 с.
23. *Шведов В.Г.* Форт-Росс – передовой рубеж Тихоокеанской России // Геосистемы Северо-Восточной Азии: типы, современное состояние, перспективы развития: тез. VI Всероссийской научно-практической конф. Владивосток: Изд-во ТИГ ДВО РАН, 2018. С. 74–79.
24. *Abernethy T.* Western Lands and the American Revolution. N.Y.: Russel & Russel. 1959, 410 p.
25. *Alanga M.* The Monroe Doctrine: An End to European Colonies in America. N.Y.: Rosen Publishing Group, 2003. 32 p.
26. *Anders S.* Manifest Destiny: American Expansionism and the Empire of Right. NY: Hill & Wang Publishing House, 1995. 160 p.
27. *Barker W.* Secret of Friendship of Russia to United States // North American Revie. 1904. V. 178. June. P. 801–811.
28. *Doenecke J.* Aid to Russia, 1941–1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. NY: Columbia University Press, 1973. 365 p.
29. *Dvoichenko-Markov E.* William Penn and Peter the Great // Proceedings of American Philosophical Society. 1953. V. 97. № 1. P. 16–17.
30. *Gardner H.* Dangerous Crossroads: Europe, Russia and the Future of NATO. London: Praeger, 1997. 279 p.
31. *George K.* The US-Russian entente that saved the Union // Executive Intelligence Review. 1992. V. 19. № 26. P. 46–57.
32. *Hopkirk P.* The Great Game. Oxford: Oxford University Press, 2001. 562 p.
33. *Jensen R.* The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle: University of Washington Press, 1975. 192 p.
34. *Legvold R.* Return to Cold War. Cambridge & Malden MA: Polity, 2016. 187 p.
35. *Naske C.-M., Slotnick H.* Alaska. A History of the 49th State. Norman: University of Oklahoma Press, 1994. 332 p.
36. National Strategy for the Arctic Region. Washington: The White House Official Press, 2013. 11 p.
37. *Powell J.* Encyclopedia of North American Immigration. N.Y.: Facts on File, Inc., 2005. 464 p.

38. *Shvedov V.G., Romanov M.T.* About Dynamics of the Geopolitical Position of the North-East of Russia in the 17th–21th Centuries // Humanities & Social Sciences Review. 2019. V. 7. № 6. P. 169–175.
39. *Thomas B.* Russo-American Relations, 1815–1867. Baltimore: The John Hopkins Press, 1930. 185 p.

Pacific Vector in the Spatial Development of Russia and USA: Main Frontiers and Stages

© 2021 г. P. Ya. Baklanov[1, *], V. G. Shvedov[1, **], and M. T. Romanov[1]

[1]*Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia*
**E-mail: pbaklanov@tigdvo.ru*
***E-mail: i-svg@yandex.ru*

The article considers the Pacific vector of spatial development of Russia and the United States during the XVII–XXI centuries. Its purpose is to establish the features of this process in line with the geopolitical relations of these countries. Analysis of evidence on this topic, interstate treaties, statements by political figures has become the main research method. It was established that the expansion of Russia and the United States to the Pacific Ocean went largely synchronously and out of mutual territorial claims. It has been determined that Russian-American relations from the moment of their establishment and then for a long time had a friendly character, often acquiring the appearance of a military-political alliance. The reasons for their transformation into rivalry, including in the field of water disputes in the North Pacific and the Arctic, are highlighted.

Keywords: spatial development, Pacific vector, geopolitical relations, great powers, territorial rapprochement, Pacific Ocean

REFERENCES

1. *Agranat G.A.* Pervye polveka amerikanskogo gospodstva na Alyaske // Letopis' Severa / Pod red. A.V. Efimova. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. T. III. S. 223–238.
2. *Baklanov P.YA., Romanov M.T.* Ekonomiko-geograficheskoe i geopoliticheskoe polozhenie Tihookeanskoj Rossii. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. 168 s.
3. *Batrutdinova K.R., Degtyaryov D.A., Stepanova A.A.* Otnosheniya v treugol'nike SSHA–RF–KNR: soblyudaetsya li formula liderstva Genri Kissindzhera? // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2017. T. 12. № 1. S. 81–109.
4. *Goldin V.I.* Soderzhanie i problemy sovremennoj arkticheskoj geopolitiki. URL: https://goarctic.ru/work/soderzhanie-i-problemy-sovremennoy-arkticheskoy-geopolitiki/ (data obrashcheniya 25.07.2019).
5. *Zorin A.V.* Indejskaya vojna v Russkoj Amerike: russko-tlinkitskoe voennoe protivoborstvo. Kursk: Izd-vo KGMU, 2002. 419 s.
6. *Ivanyan E.A.* Doktrina Monro 1823 goda i "popravki" k nej. URL:http://america-xix.org.ru/library/monroe-doctrine/ (data obrashcheniya 08.05.2017).
7. *Ivanyan E.A.* Enciklopediya rossijsko-amerikanskih otnoshenij. XVIII–XX veka. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2001. 696 s.
8. Istoriya Russkoj Ameriki / Otv. Red. N.N. Bolhovitinov. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. T. III. 560 s.
9. *Kabanov P.I.* Amurskij vopros. Blagoveshchensk: AKI, 1959. 255 s.
10. *Kiselyova O.A.* Vneshnepoliticheskaya mysl' SSHA i plany anneksii Kanady // Iz istorii obshchestvennoj mysli i politicheskih dvizhenij v Novoe i Novejshee vremya / Otv. red. V.V. Kutyavin. Kujbyshev: Izd-vo KGU, 1988. S. 45–59.
11. *Lamin V.A.* Klyuchi k dvum okeanam. Habarovsk: HKI, 1982. 255 s.
12. *Larin V.L.* Tihookeanskoe izmerenie rossijsko-amerikanskih otnoshenij: kollizii XXI veka. M.: Izd-vo Moskovskogo centra Karnegi, 2015. 20 s.
13. *Majkov L.N.* Rasskaz Nartova o Petre Velikom // Zapiski AN. 1891. T. LXVII. Prilozhenie № 6. S. 99.
14. *Ol'denburg S.S.* Carstvovanie Imperatora Nikolaya II. SPb.: Petropol', 1991. 672 s.
15. *Palamar' N.G.* Nekotorye aspekty pogranichnogo razgranicheniya mezhdu Rossijskoj Federaciej i Soedinyonnymi Shtatami Ameriki // Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii. 2009. № 1. S. 82–88.
16. Rossiya i SSHA v Aziatsko-Tihookeanskom regione. M.: Izd-vo IMEMO RAN, 2016. 45 s.
17. Russkaya tihookeanskaya epopeya / Otv. red. V.A. Divin. Habarovsk: HKI, 1979. 608 s.

18. *Tihmenev P.A.* Istoricheskoe obozrenie Rossijsko-Amerikanskoj kompanii i dejstvij eyo do nastoyashchego vremeni. SPb.: Tipografiya Eduarda Vejmara, 1863. Ch. II. 784 s.
19. Tihookeanskaya Rossiya v integracionnom prostranstve Severnoj Pacifiki v nachale XXI veka: opyt i potencial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodejstviya / Otv. red. V.L. Larin. Vladivostok: Izd-vo IIAE DVO RAN, 2017. 386 s.
20. *Torkunov A.V.* Strategiya administracii D. Trampa v Aziatsko-Tihookeanskom regione // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 63. № 6. S. 25–37.
21. *Hrustalyov M.A.* Analiz mezhdunarodnyh situacij i politicheskaya ekspertiza. M.: Aspekt-Press, 2017. 224 s.
22. *Shvedov V.G.* Formirovanie gosudarstvennoj territorii SSHA – istoricheskij politiko-geograficheskij obzor. Birobidzhan: Izd-vo PGU, 2013. Ch. I. 107 s.
23. *Shvedov V.G.* Fort-Ross – peredovoj rubezh Tihookeanskoj Rossii // Geosistemy Severo-Vostochnoj Azii: tipy, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: tez. VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konf. Vladivostok: Izd-vo TIG DVO RAN, 2018. S. 74–79.
24. *Abernethy T.* Western Lands and the American Revolution. N.Y.: Russel & Russel. 1959, 410 p.
25. *Alanga M.* The Monroe Doctrine: An End to European Colonies in America. N.Y.: Rosen Publishing Group, 2003. 32 p.
26. *Anders S.* Manifest Destiny: American Expansionism and the Empire of Right. N.Y.: Hill & Wang Publishing House, 1995. 160 p.
27. *Barker W.* Secret of Friendship of Russia to United States // North American Review, 1904. V. 178. June. P. 801–811.
28. *Doenecke J.* Aid to Russia, 1941–1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N.Y.: Columbia University Press, 1973. 365 p.
29. *Dvoichenko-Markov E.* William Penn and Peter the Great // Proceedings of American Philosophical Society. 1953. V. 97. № 1. P. 16–17.
30. *Gardner H.* Dangerous Crossroads: Europe, Russia and the Future of NATO. London: Praeger, 1997. 279 p.
31. *George K.* The US-Russian entente that saved the Union // Executive Intelligence Review. 1992. V. 19. № 26. P. 46–57.
32. *Hopkirk P.* The Great Game. Oxford: Oxford University Press, 2001. 562 p.
33. *Jensen R.* The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle: University of Washington Press, 1975. 192 p.
34. *Legvold R.* Return to Cold War. Cambridge & Malden MA: Polity, 2016. 187 p.
35. *Naske C.-M., Slotnick H.* Alaska. A History of the 49th State. Norman: University of Oklahoma Press, 1994. 332 p.
36. National Strategy for the Arctic Region. Washington: The White House Official Press, 2013. 11 p.
37. *Powell J.* Encyclopedia of North American Immigration. N.Y.: Facts on File, Inc., 2005. 464 p.
38. *Shvedov V.G.*, Romanov M.T. About Dynamics of the Geopolitical Position of the North-East of Russia in the 17th–21th Centuries // Humanities & Social Sciences Review. 2019. V. 7. № 6. P. 169–175.
39. *Thomas B.* Russo-American Relations, 1815–1867. Baltimore: The John Hopkins Press, 1930. 185 p.